F 61
44

Отъ казанскаго комитета духовной цензуры печатать дозволяется. Казань, 13 сентября 1875 г.

Цензоръ, экстраординарный профессоръ казанской духовной академіи, священникъ *Евѳимій Маловъ*.

I.

ПРАКТИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ

О ПЕРЕВОДАХЪ И СОЧИНЕНІЯХЪ НА ИНОРОДЧЕСКИХЪ ЯЗЫКАХЪ (1).

Въ № 3 „Извѣстій по казанской епархіи“ за 1871 годъ напечатано архипастырское воззваніе высокопреосвященнѣйшаго владыки, которымъ священнослужители приглашаются, между прочимъ, составлять переводы и оригинальныя сочиненія на инородческихъ языкахъ. И прежде нѣкоторые священники казанской епархіи, по собственной пастырской заботѣ о духовномъ преспѣяніи своихъ инородческихъ прихожанъ, занимались подобными трудами; вслѣдствіе настоящаго приглашенія архипастыря должно безъ сомнѣнія гораздо увеличиться количество инородческихъ переводовъ и сочиненій.

Первое условіе въ этомъ дѣлѣ—знаніе инородческихъ языковъ; въ казанской епархіи въ этомъ недостатка нѣтъ. Въ уѣздахъ, почти сплошь населенныхъ чувашами и черемисами, каковы: ядринскій, цивильскій, чебоксарскій, козмодемьянскій и царевококшайскій, немало священниковъ, умѣющихъ говорить почеремисски, и еще болѣе такихъ, которые владѣютъ чувашскимъ языкомъ. Но я осмѣливаюсь предполагать, что практическаго знанія инородческихъ языковъ, какое обыкновенно пріобрѣтается отъ постоянныхъ сношеній съ инородцами, но которое не осмыслено основатель-

(1) Перепечатано изъ Прав. Собес. 1871 г. кн. 3.

ною теоріею, недостаточно для удовлетворительнаго исполненія переводовъ и сочиненій. Свое предположеніе я основываю на томъ, что извѣстные мнѣ переводы: чувашскій—Евангелія, чувашскій и горно-черемисскій—„Дня святой жизни", вотяцкій переводъ „Начатковъ", сдѣланные, конечно, лучшими знатоками этихъ языковъ въ свое время, однакоже весьма неудовлетворительны и для инородцевъ почти вовсе непонятны и безполезны. Когда я нѣсколько ближе всмотрѣлся въ эти переводы, я замѣтилъ одно свойство, всѣмъ имъ общее, которое и было главной причиной ихъ неудовлетворительности. Но объ этомъ свойствѣ я скажу послѣ, а теперь продолжу свои размышленія. Если практическое знаніе языка прежде не обезпечивало достоинство переводовъ; то и въ настоящее время можетъ повториться подобный недостатокъ, и такимъ образомъ заботы архипастыря и труды приходскихъ пастырей не достигнутъ благодѣтельной цѣли.

Иногда и сила есть и охота къ труду, но изъ-за какой-нибудь малости, изъ-за недостатка снаровки—и сила и горячее усердіе не производятъ надлежащаго дѣйствія. Неудобства подобнаго рода я испыталъ на себѣ въ переводахъ на татарскій языкъ, которыми я занимался издавна. Долго я не зналъ, какъ и приступиться къ этому дѣлу; прошло много лѣтъ, пока я напалъ на настоящій путь, и то сначала неувѣренно. Идя по этому пути дальше и дальше, шаги становились тверже, дѣло пошло споръе; теперь уже только-что исполненная работа прямо поступаетъ въ практическое употребленіе и съ удовольствіемъ принимается тѣми, для кого она предназначена. Механика оказалась такая простая, что, оглядываясь назадъ, становится подъ часъ и грустно и странно, какъ прежде такая простая вещь не приходила въ голову. Неудивительно было бы дойти мнѣ до чего-нибудь практическаго въ татарскихъ переводахъ, такъ какъ я давно занимаюсь татарскимъ языкомъ; но я испытывалъ свой переводческій пріемъ и на другихъ языкахъ. Не изучивши основательно чу-

вашскаго языка, а объ черемисскомъ и вотяцкомъ не имѣя ровно никакого понятія, я принимался въ видѣ опыта перелагать на эти языки разсказы изъ св. исторіи,—и мои опыты, на повѣркѣ чрезъ природныхъ инородцевъ, найдены удовлетворительными. Послѣ этого я окончательно убѣдился въ практичности и цѣлесообразности своего переводнаго пріема.

Понимая всю пользу и необходимость переводовъ, на инородческіе языки, христіанскихъ книгъ священно-историческихъ, вѣроучительныхъ, назидательныхъ, богослужебныхъ; зная, что священники казанской епархіи обладаютъ и знаніемъ инородческихъ языковъ, и пастырскою ревностію къ духовному просвѣщенію своихъ прихожанъ; но полагая, что имъ быть можетъ не достаетъ только снаровки въ этомъ дѣлѣ,—рѣшаюсь сообщить имъ нѣкоторыя, на опытѣ основанныя соображенія, убѣдительнѣйше прося принять мое усердное сообщеніе безпристрастно и благоснисходительно.

Всякая работа должна быть строго пригоровлена къ своей цѣли, въ этомъ только случаѣ она будетъ цѣлесообразна и полезна. Какъ портной или сапожникъ (извините за сравненіе) шьетъ по мѣркѣ снятой съ того человѣка, для котораго онъ берется работать кафтанъ или сапоги: такъ и инородческіе переводы должны быть, такъ сказать, примѣрены къ инородцамъ, т. е. точно соображены съ мѣрою ихъ разумѣнія и съ обычнымъ характеромъ ихъ рѣчи.

Мѣра инородческаго разумѣнія (я говорю о массѣ инородческаго населенія, чувашскаго и черемисскаго и т. п., на которую и должны собственно расчитываться переводы)—самая малая, не выходящая изъ тѣснаго круга простыхъ бытовыхъ отношеній. Инородческое населеніе, даже крещеное, за немногими исключеніями, не знаетъ, не понимаетъ христіанской вѣры, представляя ее въ видѣ своего шаманства, да и вообще его религіозныя понятія крайне скудны, ограничиваясь кое-какими суевѣрными обрядами, наслѣдованными отъ глубокой старины. Мышленіе инородцевъ

тоже весьма простое, незатѣйливое, чуждое сложной силлогизаціи и обширныхъ логическихъ построеній; самая рѣчь ихъ—прямая, чуждая тонкостей, искуственности, отвлеченностей; обороты краткіе, непріодичные.

Иному могутъ показаться сейчасъ представленныя черты неинтересными. Но подъ ними таится драгоцѣнное сокровище: искренняя вѣра въ Бога, религіозный страхъ, неиспорченное сердце, смиренное сознаніе своей духовной нищеты. Все это въ самомъ неразвитомъ, простомъ видѣ, но за то искренне и глубоко. Инородческое населеніе, это, можно сказать, залежь, добрая почва, надъ которой стоитъ потрудиться въ вѣрной надеждѣ на обильный плодъ. Благость Божія и надъ этими простыми инородцами можетъ исполнить возвѣщенное чрезъ апостола Павла: „буяя міра избра Богъ, да премудрая посрамитъ: и немощная міра избра Богъ, да посрамитъ крѣпкая: и худородная міра и уничиженная избра Богъ, и не сущая, да сущая упразднитъ“ (1 Коринѳ. 1, 27. 28).

Трудящіеся надъ инородческими переводами и сочиненіями должны снизойти на степень инородческой простоты, чтобы ихъ работа вышла въ пору инородцамъ.

Инородцы не знаютъ христіанства; они не только не имѣютъ понятія о догматахъ, о свящ. Писаніи, но не знаютъ даже самыхъ главныхъ событій свящ. исторіи. Между тѣмъ у насъ въ церковныхъ стихирахъ нерѣдко находятся только краткіе намеки на священныя событія или лица, или на слова Писанія. Эти намеки понятны человѣку, знакомому съ Библіей, а безъ знанія слова Божія, безъ знанія св. исторіи они останутся невразумительными и недѣйственными, т. е. не произведутъ дѣйствія на умъ и сердце. Поэтому буквальное переложеніе подобныхъ текстовъ на инородческіе языки было бы еще преждевременно. Съ инородцами надобно дѣло начать съ начала, и на массу инородцевъ смотрѣть какъ на дѣтей, которые собрались учиться

и которымъ учитель долженъ преподавать элементарныя знанія, развивать ихъ умъ и воспитывать ихъ религіозное чувство. Поэтому сначала нужно предложить инородцамъ главнѣйшіе факты св. исторіи—просто и ясно. Инородцы твердо вѣруютъ въ Бога, видятъ своими глазами міръ, понимаютъ, что этотъ міръ и все, что въ немъ, сотворено Богомъ. Вотъ самое ясное и доступное для инородцевъ положеніе, которое и послужитъ исходнымъ пунктомъ и прочнымъ началомъ для уроковъ св. исторіи; потому что порядокъ творенія міра и человѣка будетъ разъясненіемъ и подробнымъ раскрытіемъ уже извѣстнаго имъ положенія. Начатое такимъ образомъ изложеніе св. исторіи, въ послѣдовательномъ порядкѣ главнѣйшихъ и существеннѣйшихъ событій, шагъ за шагомъ поведетъ инородцевъ къ исторіи новозавѣтной, къ Іисусу Христу, земная жизнь котораго должна быть изложена по Евангелію. Это изложеніе должно быть послѣдовательное, а отнюдь не отрывочное; потому что отрывочныя свѣдѣнія, внѣ исторической связи, не привьются надлежащимъ образомъ къ мысли инородцевъ, забудутся, пропадутъ безслѣдно. Послѣ св. исторіи или совмѣстно съ ней должно быть представлено христіанское нравоученіе. Оно доступно, близко простому, искреннему сердцу, легко усвоивается и сильно дѣйствуетъ на чувство. Молитвы на первый разъ должно избрать для перевода наиболѣе употребительныя и доступныя, или же, въ случаѣ затрудненій, должно сопровождать ихъ устными или письменными изъясненіями. Догматическое ученіе должно завершать этотъ инородческо-воспитательный планъ. Св. исторія приведетъ и къ догматамъ.

Мышленіе инородцевъ самое простое, чуждое отвлеченностей, сложной силлогизаціи и обширныхъ логическихъ построеній. Поэтому въ изложеніи христіанскаго ученія не нужно вдаваться въ богословскія разсужденія и доказательства. Подобныя доказательства умѣстны въ наукѣ, необходимы для умовъ, зараженныхъ духомъ анализа и отрицанія. Инородцы же во-

первыхъ ничего не сообразятъ въ этихъ доказательствахъ, ихъ неразвитое мышленіе не въ состояніи даже слѣдить за рядомъ силлогизмовъ и умозаключеній; а во-вторыхъ они повѣрятъ всему на слово. Имъ требуется изложить ясно, прямо, просто, чтобы они только могли усвоить христіанскіе догматы вѣрующею мыслію. Однажды я читалъ вотяку-язычнику татарскій переводъ весьма назидательной статьи изъ твореній св. Тихона задонскаго (этотъ вотякъ свободно понимаетъ потатарски), въ которой встрѣчались спеціально-христіанскія понятія — искупленіе и тому подобн. Вотякъ-язычникъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ, и даже умилился; и никакихъ возраженій или сомнѣній онъ не высказалъ противъ читаннаго. Излагая инородцу евангельскую исторію, или о чудесахъ Христовыхъ, было бы въ высшей степени странно и совершенно неумѣстно доказывать подлинность евангельскаго текста, или возможность чудесъ. Они не критики, не раціоналисты; они все будутъ слушать съ вѣрой и умиленіемъ, только излагайте имъ прямо и просто.

У насъ въ церковномъ и религіозномъ языкѣ есть особыя, краткія названія, которыя намъ извѣстны и ясны, напр. Предтеча или Крститель, Владычица, мученикъ и т. п. Но если эти слова буквально выразить поинородчески, то инородцы не поймутъ, какія лица подъ этими названіями разумѣются, для нихъ надобно нѣсколько подробнѣе изложить и именовать самыя лица. Въ катихизическихъ объясненіяхъ (по Начаткамъ) попадаются иногда слова техническія, выраженія сжатыя. Напримѣръ: Молитва Господня раздѣляется на *призываніе*, 7 прошеній и славословіе. Это мѣсто нельзя перевести такъ кратко; потому что инородцы никакъ не поймутъ, что̀ такое призываніе. Для нихъ нужно показать значеніе этого термина въ примѣрахъ. Въ катихизисѣ говорится, что ко св. причащенію должно приготовляться *постомъ, молитвою, примиреніемъ съ ближними и покаяніемъ*; и эти слова слѣдуетъ, въ изложеніи на инородческихъ языкахъ,

истолковать, такъ чтобы инородцы видѣли самое исполненіе этихъ дѣйствій: въ чемъ состоитъ постъ, какъ слѣдуетъ говѣть, какъ и когда должно молиться, какъ каяться предъ священникомъ—духовнымъ отцемъ своимъ въ грѣхахъ.

Рѣчь инородцевъ—прямая, чуждая отвлеченностей и искуственности. Въ русскомъ языкѣ, особенно въ книжномъ, нерѣдко встрѣчаются отвлеченныя выраженія, напр. отглагольныя имена дѣйствія (любовь, страхъ Божій, вѣра и т. п.) представляютъ какъ-бы предметы, даже иногда олицетворяются, и имъ приписываются качества или дѣйствія какъ предмету или лицу. Но въ инородческихъ языкахъ дѣйствія выражаются прямо глаголами. Напримѣръ, выраженіе: живая вѣра, страхъ Божій, сердечная любовь къ Богу суть условія благочестивой жизни,—было бы неловко перевести буквально, ему въ переводѣ на инородческіе языки нужно дать прямой оборотъ, въ родѣ слѣдующаго: только человѣкъ, искренно вѣрующій въ Бога, боящійся Бога, отъ всего сердца любящій Бога, можетъ быть благочестивымъ.

Въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, написанныхъ поэтически, встрѣчаются выраженія фигуральныя,—ихъ нужно по возможности переложить на прямой смыслъ, иначе они останутся непонятными для инородцевъ.

Обороты инородческой рѣчи—краткіе, непериодическіе. Поэтому, если переводимый текстъ изложенъ длинными и очень сложными періодами, со множествомъ подчиненныхъ предложеній; то такіе періоды нужно разложить на составныя предложенія, расположить эти предложенія въ естественномъ порядкѣ, какъ мысли должны одна слѣдовать за другою, или вытекать одна изъ другой.

Въ русскихъ нравоучительныхъ книгахъ иногда говорится о недостаткахъ и порокахъ, свойственныхъ русскимъ и неизвѣстныхъ инородцамъ, между тѣмъ у инородцевъ есть свои недостатки, которыхъ нѣтъ у русскихъ. Напр. русскіе нерѣдко заражены расколомъ,

а инородцы чествуютъ кереметей. Подобныя мѣста слѣдуетъ или измѣнить, направивши противъ инородческихъ суевѣрій, или опустить. Въ русскихъ книгахъ нерѣдко дѣлаются примѣненія къ разнымъ сословіямъ и состояніямъ, или положеніямъ общественнымъ, или занятіямъ и ремесламъ, которыхъ нѣтъ у инородцевъ по ихъ простому, сельскому быту. Поэтому и разсужденія и нравоученія, приноровленныя къ такимъ положеніямъ, неумѣстно было бы перелагать на инородческіе языки. Такихъ наставленій много находится въ „Днѣ святой жизни". Самое начало этой книги: „ты называешься христіаниномъ"—въ переводѣ на чувашскій языкъ: „эзе христіанинъ ятла"—очень странно; оно не хорошо потому, что слово *ятла* ставится за собственнымъ именемъ, напр. Иванъ ятла; но и кромѣ того, инородцы едвали имѣютъ обыкновеніе, подобно русскимъ, называться христіанами, они называются: чувашами, черемисами и т. д.; даже заглавіе: „День святой жизни, или отвѣтъ на вопросъ: какъ мнѣ жить свято"—надлежало бы изложить проще, прямѣе, такъ чтобы инородецъ—читатель или слушатель сразу понялъ содержаніе и назначеніе книги. Однимъ словомъ, если бы изъ этой книги выбрать только то, что примѣнительно къ быту и положенію инородцевъ, да изложить просто и ясно; то она составила бы для нихъ поучительное и интересное чтеніе. А въ настоящемъ видѣ перевода инородцы не понимаютъ его и не могутъ имъ интересоваться.

Итакъ, при переводѣ или сочиненіи на инородческихъ языкахъ, нужно все свое вниманіе обратить на то, чтобы ходъ изложенія былъ какъ можно проще, прямѣе, естественнѣе, объяснительнѣе и примѣненнѣе къ быту, положенію и пониманію инородцевъ. Приступая къ переводу съ готоваго сочиненія, или къ самостоятельному сочиненію, нужно поэтому представить себѣ, мысленно или на бумагѣ, текстъ въ такомъ именно простомъ видѣ, какъ сейчасъ изложено.

Случалось мнѣ видѣть поученія въ два столбца, на русскомъ и на инородческомъ языкѣ. Авторы ученые, очевидно, сначала составляютъ поученія порусски; къ сожалѣнію, увлекаясь церковнымъ витійствомъ и богословской системой, они избираютъ иногда предметы, для нихъ самихъ интересные, при ихъ богословскомъ и литературномъ образованіи, но вовсе недоступные для инородцевъ, чуждыхъ всякаго образованія; излагаютъ со всѣми пріемами церковнаго краснорѣчія классической эпохи, съ сложными и утонченными доказательствами, съ искуственными украшеніями слога. Если подобное поученіе прочитать русскимъ мужичкамъ, то и они ничего не поняли бы; что же должны вынести изъ подобнаго поученія инородцы, которые въ христіанствѣ понимаютъ гораздо менѣе русскихъ простолюдиновъ? Такая искуственность и мнимая высота совершенно неумѣстны. Лицамъ, свободно говорящимъ поинородчески, я присовѣтывалъ бы прямо писать на инородческомъ языкѣ, не излагая предварительно порусски: мнѣ думается, что это поставило бы ихъ непосредственно въ виду инородческой простоты и предохранило бы отъ сустнаго краснорѣчія и напыщенности. Но для кого непосредственное изложеніе на инородческомъ языкѣ затруднительно, стѣсняя ходъ мыслей, тотъ пусть сначала напишетъ порусски, только просто, безъискуственно.

Для соображенія лицамъ, которыя не особенно сильно владѣютъ инородческими языками и даже вовсе не знаютъ ихъ, а имѣютъ надобность или усердіе заниматься инородческими переводами и сочиненіями, разскажу, какъ я поступалъ въ своихъ опытахъ изложенія на языкѣ чувашскомъ, вотяцкомъ, и горно-черемисскомъ. Чувашскій языкъ мнѣ могъ быть еще доступенъ, по его близкому сродству съ татарскимъ, но и на чувашскомъ языкѣ я далеко не способенъ писать самостоятельно; а о черемисскомъ и вотяцкомъ языкахъ я даже никакого понятія не имѣлъ. Поэтому я пользовался помощію природныхъ: чувашина, черемиса и вотяка, достаточно понимающихъ русскую рѣчь, по

крайней мѣрѣ разговорную. Вотъ я собрался излагать разсказъ изъ св. исторіи новотяпки. Со мной сидитъ вотякъ. Для такого сотрудничества нужно выбрать человѣка толковаго, любознательнаго, а лучше—набожнаго, который бы готовъ былъ сидѣть съ вами часы и дни для Бога и спасенія своей души и понималъ бы серьезность и духовную пользу этого дѣла. Мнѣ удавалось имѣть инородцевъ сотрудниковъ именно такихъ качествъ. Итакъ начинаю: я диктую своему вотяку порусски, словами простыми и опредѣленными, предложеніями краткими. Говорю одно предложеніе, онъ передагаетъ его на свой родной языкъ—я пишу. Я говорю порусски другое предложеніе, онъ говоритъ его новотяцки—я пишу, и такъ далѣе. Если бы все вдругъ разсказать порусски, хотя бы даже самымъ простымъ языкомъ; то инородецъ хорошо и послѣдовательно не усвоилъ бы сразу и не могъ бы удовлетворительно воспроизвести цѣльный разсказъ. А по предложеніямъ, ему не составитъ труда передавать на своемъ языкѣ одно предложеніе за другимъ. Написавши такимъ образомъ нѣсколько строкъ, нѣкоторую, довольно цѣльную, часть повѣствованія, я снова, въ связи уже, перечитываю написанное своему сотруднику. Иногда отдѣльныя предложенія бываютъ построены удачно и правильно; но въ общей сложности, во взаимной связи они кажутся нескладны; это всегда легче можетъ обнаружиться при чтеніи всего къ ряду. Тутъ нескладица сразу бросится въ глаза, какъ фальшивый звукъ при послѣдовательномъ пѣніи какой-нибудь пѣсы. Сначала я настаиваю на ясности, на понятности; потомъ добиваюсь того, чтобы наше изложеніе было складно: какъ сами инородцы складно разсказываютъ что-нибудь имъ извѣстное, пусть будетъ такъ же складно, правильно по языку и наше писаніе. Иногда мой сотрудникъ при этомъ кое-что и измѣнялъ. Не зная языка, я, разумѣется, вѣрилъ на слово своему толмачу. На первыхъ порахъ работа шла весьма туго, медленно; мы еще не приноровились другъ къ другу;

для меня языкъ — темный лѣсъ, а сотрудникъ мой впервые занимается переводнымъ дѣломъ. Но впослѣдствіи дѣло становится легче; мало помалу я затверживаю нѣкоторыя слова, осваиваюсь съ этимологическими формами; потому что въ разсказахъ обыкновенно повторяются одинаковые обороты и тѣже слова,—они сами собой входятъ въ память. Когда какое-нибудь русское выраженіе затрудняло моего сотрудника, по новости для него предмета, тогда я предлагалъ ему такое же, по грамматическому составу, выраженіе о простомъ предметѣ, ему доступномъ, которое слѣдовательно онъ легко могъ составить на своемъ родномъ языкѣ, а я примѣнялъ этотъ оборотъ къ данному случаю и мѣсту. Ознакомившись отчасти съ формами языка и вгляпувъ своего сотрудника въ понимапіе дѣла, я отъ времени до времени снова прочитывалъ зады, всѣ сначала; тутъ еще усматривались и исправлялись нескладицы и неисправности. Иногда я читалъ свою работу постороннимъ инородцамъ. Но собственно для перевода нужно имѣть одного постояннаго сотрудника, потому именно, что одинъ инородецъ удобнѣе привыкнетъ и къ вашей манерѣ и къ переводному дѣлу, а съ новичкомъ заниматься весьма неудобно, придется опять потерять много времени, чтобы пріучить его къ работѣ. А постороннимъ и притомъ разнымъ инородцамъ полезно прочитывать готовый уже переводъ или изложеніе, чтобы болѣе увѣриться въ понятности изложенія.

Я еще замѣтилъ слѣдующее явленіе. Читайте чувашину или черемису „День святой жизни“ въ существующемъ переводѣ на родномъ его языкѣ; онъ выслушаетъ тупо, пассивно и не сдѣлаетъ никакихъ возраженій, потому что рѣшительно ничего не понимаетъ, не за что ему и придѣпиться своимъ соображеніемъ. Но когда вы прочитаете инородцу изложеніе, вообще доступно сдѣланное, но въ которомъ есть частные недостатки и нескладицы, инородецъ пойметъ содержаніе, и неудачныя частности замѣтитъ и сдѣлаетъ на

пихъ свои возраженія, и предложитъ свои поправки. Это подобно тому, какъ если вамъ напишетъ простолюдинъ письмо, толково и послѣдовательно, но безграмотно относительно грамматики; вы сейчасъ можете поправить его грамматическіе ошибки. Поэтому, въ переводахъ или изложеніи на инородческихъ языкахъ, устроить надлежащимъ образомъ общій ходъ разсказа или размышленія есть дѣло ваше — переводчика, а частныя ошибки противъ этимологіи и отчасти противъ синтаксиса, или нѣкоторыя неудачно поставленныя слова легко могутъ замѣтить, правильнѣе—почуять и исправить—инородцы.

Я дѣлалъ еще такой опытъ: заставлялъ инородцевъ, хорошо знающихъ русскій языкъ, переложить какой-нибудь разсказъ съ русскаго на свой языкъ. Оказалось, что инородцы не могли совладать съ русскимъ оборотомъ, и впадали въ руссицизмы. Нужно много руководить инородца, чтобы онъ самъ могъ дѣлать удовлетворительные переводы. Гораздо удобнѣе инородецъ можетъ изложить что-нибудь прямо на своемъ языкѣ. Для этого разумѣется необходимо ему предварительно узнать христіанское ученіе и усвоить его до такой степени, чтобы онъ могъ написать уже самостоятельно, не заглядывая въ русскую книгу. Итакъ, при переводахъ христіанскихъ книгъ на инородческіе языки, при теперешнемъ, невысокомъ состояніи христіанскаго образованія и пониманія въ средѣ инородцевъ, необходимо взаимодѣйствіе русскихъ и инородцевъ, и при томъ русскіе должны быть направляющими, активными, а инородцы — воспринимающими, пассивными.

При знаніи русскимъ переводчикомъ инородческаго языка, конечно, работа пойдетъ скорѣе; но кто, и при знаніи языка, впервые принимается за переводы и т. п., то и ему нужно упражненіе, чтобы набить руку. Поэтому и знающимъ инородческіе языки можно посовѣтовать начать дѣло съ перевода или изложенія простыхъ разсказовъ изъ священной исторіи, а отнюдь

не покушаться еще на переводы догматическихъ или церковно-богослужебныхъ текстовъ. Послѣдніе особенно трудны къ переводу на инородческіе языки; до этой степени умѣнья нужно еще доходить немалымъ занятіемъ болѣе доступными текстами. Наконецъ, когда вы достаточно овладѣете искусствомъ переводить или излагать на инородческихъ языкахъ, и тогда не слѣдуетъ слишкомъ полагаться на свое знаніе, а всегда слѣдуетъ провѣрять свой трудъ посредствомъ природныхъ инородцевъ. При этомъ должно имѣть такую предосторожность: если изложеніе назначено для элементарнаго ознакомленія инородцевъ съ св. исторіей, или съ катихизисомъ и т. п., то отнюдь не вдавайтесь, въ подмогу уразумѣнія инородцемъ вашего изложенія, въ дополнительныя, устныя объясненія: устными объясненіями будетъ замаскирована или прикрыта неясность письменнаго изложенія. Другое дѣло—если самый составъ и назначеніе переводимаго текста не допускаетъ элементарной ясности и подробности въ изложеніи, какъ напримѣръ въ молитвахъ.

Итакъ первое дѣло въ переводахъ и изложеніи на инородческихъ языкахъ есть ясность и складность. Когда нескладнымъ или неяснымъ, ломанымъ языкомъ разсказываютъ о какихъ-нибудь предметахъ и нуждахъ обыденной жизни, тогда еще можно понимать разсказъ, хотя все-таки непріятно слушать рѣчь на своемъ ломаномъ языкѣ. Рѣчь невнятная и изложенная неясно, неправильнымъ языкомъ, требуетъ, со стороны слушающаго, усилія или напряженія мысли, чтобы догадаться, что хочетъ сказать говорящій. Поэтому неправильная рѣчь допустима еще въ предметахъ наглядныхъ, близкихъ, обыденныхъ. Но когда идетъ рѣчь о предметахъ совершенно новыхъ, каковы для инородцевъ предметы религіозные, христіанскіе; тогда изложеніе должно быть правильное, опредѣленное, точное, согласное съ духомъ и складомъ языка. Въ противномъ случаѣ это изложеніе или останется непоня-

тымъ инородцами, или, что̀ еще хуже, поведетъ ихъ къ ложнымъ догадкамъ и представленіямъ.

Какъ ни существенны въ переводѣ религіозныхъ книгъ ясность и складность изложенія; но ими дѣло не оканчивается. Нужно еще такъ изложить, чтобы инородцы, слушая или читая ваше изложеніе, проникались серьезностью и благоговѣніемъ. Инородцы—новички въ христіанствѣ, они не имѣютъ въ немъ сознательнаго убѣжденія и понятія. Ваше изложеніе впервые будетъ знакомить ихъ съ христіанскимъ ученіемъ. Поэтому случайную ошибку переводчика они могутъ приписать самому христіанству. Первыя впечатлѣнія обыкновенно бываютъ сильны и вліятельны. Если бы переводъ или изложеніе какимъ-нибудь неудачнымъ словомъ или выраженіемъ ввели инородца въ смѣхъ, или скандализировали его, то это было бы весьма неблагопріятно для христіанскаго дѣла. Серьезность и благоговѣйность тона не требуетъ какого-нибудь краснорѣчія или высоты выраженій, она совмѣстима съ простотою языка. Въ простомъ разговорномъ языкѣ есть матеріалы разныхъ тоновъ,—благородные, грубые и т. д. Въ этомъ отношеніи русскому человѣку, для котораго инородческіе языки чужіе, никакъ нельзя полагаться на свое знаніе, какъ бы оно ни было основательно. Во всякомъ языкѣ, даже повидимому самомъ грубомъ, есть свои выраженія и манеры приличныя, почтительныя, деликатныя, сущность и значеніе которыхъ ощутима только для своихъ природныхъ людей, а не для чужихъ; и въ разныхъ языкахъ такія выраженія и способы разные. Напр. у насъ назвать человѣка по имени и отчеству составляетъ вѣжливость и почтительность, а у инородцевъ отчество составляетъ не болѣе какъ опредѣленіе происхожденія. Поэтому, если инородецъ величаетъ себя по отчеству на *вичъ*, это нисколько не доказываетъ его самолюбія; и наоборотъ, если онъ назоветъ васъ безъ отчества, это не показываетъ его неуваженія къ вамъ. У насъ вѣжливость требуетъ обращаться на *ви*, а у инород-

цевъ (равно какъ и у русскихъ крестьянъ) просто обращаются на *ты*, но почтительность выражаютъ какими-нибудь другими способами, которые для насъ несвязательны. Такъ и въ словахъ и оборотахъ есть хорошія, вполнѣ благоприличныя, съ которыми инородцы привыкли соединять впечатлѣніе доброе, назидательное, а есть и дурныя, съ которыми соединено представленіе противоположнаго свойства. Во всякомъ случаѣ на человѣка родной языкъ дѣйствуетъ прямо, непосредственно, тогда какъ чужой человѣкъ можетъ добираться до значенія слова по соображенію, т. е. болѣе хладнокровными сторонами. Тутъ самое безопасное руководствоваться натуральнымъ чутьемъ природныхъ инородцевъ, а не своимъ знаніемъ. До пониманія такихъ тонкостей знаніе чужаго языка сдвали и возможно, тогда какъ природный человѣкъ сразу чувствуетъ всю глубину роднаго выраженія. — Я по крайней мѣрѣ, хотя давно уже занимаюсь татарскими переводами и могу дѣлать ихъ довольно скоро, но досель не рѣшаюсь, да и впредь не намѣренъ рисковать— пускать въ ходъ свои переводы безъ предварительной провѣрки ихъ чрезъ природныхъ крещеныхъ татаръ. Вообще сила непосредственнаго пониманія или правильнѣе чутья въ родномъ языкѣ дѣйствуетъ рѣпительно и безошибочно, хотя бы и безотчетно. Иногда затрудняешься въ выраженіи, припоминаешь грамматическія правила и не можешь ничего придумать; а инородецъ, не ломая головы, выскажетъ оборотъ, такой простой и вмѣстѣ логичный, что стоитъ полюбоваться.—Опять скажу, что простота языка не нарушаетъ высоты христіанскаго ученія, какъ нѣкоторые, быть можетъ, полагаютъ. Высота христіанскаго ученія такъ существенно ему присуща, что чѣмъ проще оно выражается, тѣмъ поразительнѣе его божественное достоинство. Съ другой стороны, напрасно нѣкоторые народный языкъ смѣшиваютъ съ языкомъ такъ называемымъ площаднымъ, и потому считаютъ его недостойнымъ и неспособнымъ выражать религіозныя понятія.

Это—могу увѣрить—предубѣжденіе, совершенно ошибочное, несправедливое. Когда простой человѣкъ разсуждаетъ о какомъ-нибудь серьезномъ предметѣ, онъ находитъ въ своемъ народномъ языкѣ выраженія достойныя, очень почтенныя.—Удовлетворительность перевода или изложенія, въ этомъ смыслѣ, можно испытать чрезъ чтеніе его инородцамъ: если оно приводитъ инородцевъ въ настроеніе серьезное, сосредоточенное, умиленное, это значитъ, что переводъ хорошъ; а если инородцы слушаютъ его вяло, тупо, или даже смѣются, то это даетъ понять недоброкачественность перевода.

Изложенныя доселѣ соображенія суть не болѣе, какъ практическое, такъ сказать, изложеніе или разъясненіе качествъ и пріемовъ, указанныхъ братству св. Гурія въ Высочайше утвержденныхъ правилахъ объ изданіи православныхъ книгъ на инородческихъ языкахъ. Въ этихъ правилахъ между прочимъ постановлены слѣдующія качества инородческихъ переводовъ (въ отношеніи языка): „б) общедоступность, т. е. правильность и народность языка, и в) изложеніе перевода такое, чтобы оно возбуждало въ инородцахъ представленія и чувства благоговѣйныя и назидательныя“. Для выполненія этихъ качествъ упомянутыя правила обязываютъ обращаться къ природнымъ инородцамъ и прочитывать имъ изготовленные переводы (см. Извѣстія каз. епархіи, за 1868 г. стр. 308).

Занимаясь, для опыта, переложеніемъ на языки чувашскій, вотяцкій и черемисскій, я замѣтилъ большое сходство внутренняго значенія формъ и синтаксическаго построенія въ этихъ языкахъ съ татарскимъ. Знаніе татарскаго языка значительно облегчало мнѣ это переложеніе: диктуя своимъ инородческимъ сотрудникамъ переводимый или излагаемый текстъ порусски, я старался формулировать его по возможности на татарскій ладъ, и оказывалось, что наиболѣе характеристичные татарскіе обороты, которыми татарскій языкъ рѣзко отличается отъ русскаго языка, всегда почти

буквально передавались на другіе инородческіе языки. Грамотные чуваши и вотяки, знающіе хорошо татарскій языкъ, свободно перелагали наши крещено-татарскіе переводы на свои родные языки, держась буквально тогоже изложенія, но прямо съ русскаго языка переводить они были бы не въ состояніи. Это практическое наблюденіе объясняется наукой. Въ наукѣ языки, подобно растеніямъ или животнымъ, распредѣляются на семейства или классы. Въ числѣ этихъ семействъ находится такъ называемое урало-алтайское, въ которомъ заключаются (какъ виды въ естественно-историческихъ родахъ) группы: тюркская (турецко-татарская) и финнская. Языки черемисскій и вотяцкій (мордовскій также) относятся къ финнской группѣ; чувашскій языкъ составляетъ, повидимому, что-то среднее между финнскими языками и турецко-татарскимъ, приближаясь болѣе къ послѣднему. Такимъ образомъ во всѣхъ этихъ языкахъ, при разнообразіи этимологическихъ формъ и отдѣльныхъ словъ, внутренній смыслъ и сущность этихъ формъ почти совершенно одна и таже, даже значеніе словъ, въ отношеніи группировки понятій, иногда поразительно сходно; синтаксическое построеніе рѣчи, т. е. составъ предложеній и т. п., тоже весьма сходно, такъ что буквальный переводъ съ одного языка на другой, не только въ одной группѣ, но и въ разныхъ группахъ тогоже семейства, въ общемъ будетъ понятенъ и удовлетворителенъ за изключеніемъ только нѣкоторыхъ частностей. Поэтому достаточно узнать основательно внутреннее устройство одного изъ многочисленныхъ языковъ урало-алтайскаго семейства, чтобы имѣть понятіе о внутреннемъ устройствѣ и прочихъ языковъ тогоже семейства. Наприм. если языкъ тунгузскій, въ восточной Сибири, относится къ этому семейству; то уже заочно можно положительно утверждать (на основаніи татарскаго или черемисскаго и т. п. языковъ), что въ немъ нѣтъ родовъ, предлоги ставятся не предъ именами, а послѣ именъ, прилагательныя, стоя предъ существительными, не измѣняются ни

въ числѣ, ни въ падежѣ и т. д. Между тѣмъ русскій или церковно-славянскій языкъ, съ котораго мы дѣлаемъ свои переводы на языки инородческіе, относясь къ другому семейству (индо-европейскому), совершенно рѣзко отличается отъ урало-алтайскихъ языковъ, и равномѣрно далеко стоитъ какъ отъ татарскаго, чувашскаго, такъ отъ черемисскаго, вотяцкаго и проч. Поэтому, если перевести съ любаго инородческаго языка совершенно буквально на русскій, то это будетъ совершенно странно и даже непонятно; такъ и наоборотъ, буквальный переводъ съ русскаго языка на любой инородческій будетъ также непонятенъ и дикъ для инородцевъ. Этотъ именно недостатокъ, т. е. буквальное соблюденіе русской конструкціи, русскихъ оборотовъ, господствуетъ въ упомянутыхъ переводахъ „Дня святой жизни“ и „Начатковъ“, и дѣлаетъ ихъ безполезными, не достигающими цѣли.

Кажется, европейскіе языки гораздо болѣе обособились и отошли другъ отъ друга въ построеніи рѣчи, нежели татарскіе, финнскіе и вообще урало-алтайскіе въ отношеніи одинъ къ другому.

При переводѣ поэтому съ русскаго языка на какой бы то ни было инородческій языкъ, первое дѣло состоитъ въ знаніи и наблюденіи законовъ внутренняго устройства этого языка. Когда переводъ въ этомъ отношеніи исправенъ, онъ будетъ непремѣнно ясенъ и опредѣленъ. Каждый языкъ или нарѣчіе подраздѣляется на мѣстные говоры, отличающіеся одинъ отъ другаго звуками, иногда нѣкоторыми этимологическими формами и немногими словами. Эта внѣшняя сторона составляетъ уже второстепенную важность, въ томъ смыслѣ, что хорошо сдѣланный по внутреннему складу переводъ будетъ понятенъ для всѣхъ говоровъ; каждый говоръ можетъ легко приноровить его къ себѣ. Но самое точное соблюденіе мѣстныхъ оттѣнковъ внѣшнихъ не дастъ переводу ясности, если не соблюдены законы внутренняго устройства языка. Законы внутренняго устройства урало-алтайскихъ языковъ, столь

отличные отъ русскаго языка, столь своеобразные, однакоже немногосложны и весьма логичны и послѣдовательны. Въ нихъ нужно только вдуматься, усвоить ихъ основанія. Какъ лучшее пособіе къ этому, я бы посовѣтывалъ внимательно прочитать „Грамматику монгольско-калмыцкаго языка“ покойнаго А. А. Бобровникова, которая продается въ казанской академіи. Эта книга основательно и подробно, систематически излагаетъ (въ своей синтаксической части) именно законы внутренняго склада и построенія монгольской рѣчи; а такъ какъ монгольскій языкъ относится къ одному семейству съ языками татарскими и финнскими, то сочиненіе Бобровникова значительно разъясняетъ внутреннее устройство и этихъ языковъ. Я знаю, что оно было, въ этомъ отношеніи, полезно для алтайской миссіи (алтайскій языкъ есть одинъ изъ членовъ татарской группы). Эту же книгу я давалъ прочитать покойному Алексѣю Гавриловичу Канцеровскому, который отлично говорилъ почеремисски, но существа черемисскаго языка не понималъ, написалъ черемискую грамматику по системѣ русской грамматики Греча: прочитавши внимательно грамматику Бобровникова, онъ сталъ совсѣмъ иначе смотрѣть на черемисскій языкъ. Тому, кто уже практически овладѣлъ инородческимъ языкомъ,—а такихъ немало въ числѣ духовенства казанской епархіи, — придется подвергнуть пересмотру извѣстный уже ему матеріалъ съ новой точки зрѣнія. Это дѣло послишкомъ трудное и во всякомъ случаѣ пріятное и необходимое.

Съ своей стороны изложу здѣсь нѣсколько краткихъ замѣчаній о тѣхъ сторонахъ инородческаго словосочиненія, которыми оно особенно рѣзко отличается отъ русскаго языка.

Инородческіе языки имѣютъ свои особые способы подчиненія завпсящихъ предложеній главному. Въ русскомъ языкѣ играетъ большую роль относительное мѣстоименіе (который), а въ инородческихъ языкахъ относительнаго мѣстоимѣнія вовсе нѣтъ. И потому довольно

часто встрѣчающійся въ прежнихъ переводахъ оборотъ съ относительнымъ мѣстоименіемъ есть положительная фальшь, неправильность. А что въ чувашской и черемисской грамматикахъ, изданныхъ въ Казани въ 30-хъ годахъ, написаны относительныя мѣстоимѣнія: чувашское *хужъ*, черемисское *куда, маганя*, то это ошибка: это мѣстоименія вопросительныя, которыя попали въ разрядъ относительныхъ по недоразумѣнію. Кстати скажу, что вообще полезно какъ можно меньше руководствоваться этими грамматиками.

Кромѣ относительнаго мѣстоименія въ русскомъ языкѣ подчиненныя предложенія соединяются съ главнымъ посредствомъ союзовъ; въ инородческихъ языкахъ подобныхъ союзовъ нѣтъ, или весьма мало.

Какъ же инородцы поступаютъ въ составленіи періодической рѣчи?—Предложенія опредѣлительныя, т. е. въ которыхъ стоитъ относительное мѣстоименіе, они сочиняютъ какъ отдѣльное прилагательное имя, а предложенія, подчиненныя посредствомъ союзовъ: *что, когда, поелику* и т. п., подчиняютъ главному предложенію посредствомъ падежей, отвѣчающихъ по своему значенію логическому отношенію зависящаго предложенія къ главному въ данномъ случаѣ. Для этого можно руководствоваться слѣдующимъ механическимъ правиломъ: если зависящее предложеніе сказуемымъ имѣетъ глаголъ, то этотъ глаголъ обращается въ причастіе, а если сказуемое есть имя прилагательное, то оно остается безъ перемѣны, только сказуемое во всякомъ случаѣ должно стоять въ концѣ зависящаго предложенія; послѣ этого если зависящее предложеніе есть опредѣлительное (т. е. съ мѣстоименіемъ *который*), то его просто ставьте предъ опредѣляемымъ именемъ; а если предложеніе подчиненное, т. е. такое, которое порусски имѣетъ въ себѣ союзъ, то къ нему приставляется падежное окончаніе, какъ къ простому имени. Кромѣ того въ инородческихъ языкахъ имѣютъ большое употребленіе дѣепричастія.—Но такъ какъ эти инородческіе способы на первый разъ довольно замысловаты, то при

первоначальномъ упражненіи въ переводахъ полезнѣе держаться краткихъ, простыхъ предложеній. Для этого нужно длинные и сложные русскіе періоды разлагать на составныя предложенія, расположить эти предложенія въ порядкѣ естественнаго хода дѣйствій и потомъ перелагать какъ самостоятельныя.

Въ существующихъ (т. е. неудовлетворительныхъ) переводахъ нерѣдко встрѣчаются союзы или прямо русскіе, или составленные по образцу русскихъ (наприм. *омба што, тыдань доно што*—буквальный переводъ русскаго *потому что*). Эти союзы чужды, несвойственны инородческимъ языкамъ, и ихъ полезнѣе избѣгать. Какъ чужіе, непонятные для инородцевъ, подобные союзы нисколько не опредѣляютъ и не уясняютъ соотношенія мыслей, и потому составляютъ безполезный грузъ въ переводахъ.

Часто и характеристично употребляется въ инородческихъ языкахъ предложеніе вставочное съ глаголомъ *говорить* (*дискать*); такіе глаголы: въ татарскомъ *ди*, въ чувашскомъ *те*, въ черемисскомъ *ман*, въ вотяцкомъ *шу*. Въ латинскомъ имъ соотвѣтствуетъ глаголъ inquam. Оборотъ съ этими глаголами, во всѣхъ инородческихъ языкахъ тожественный, придающій имъ естественную простоту и—такъ сказать—нѣкоторую наивную прелесть, употребляется, когда передается рѣчь, мысль, намѣреніе, желаніе, опасеніе, приказаніе, просьба и проч. и проч. Слова приводятся въ такой видъ, какъ они сказаны или задуманы, и замыкаются глаголомъ *дискать*, который ставится въ дѣепричастіи, или въ какомъ угодно времени и наклоненіи. Иные изъ русскихъ не одобряютъ этого оборота, соблазнясь соотвѣтствіемъ его простонародному русскому обороту, отвергаемому языкомъ литературы и образованнаго общества. Но у инородцевъ этотъ оборотъ любимый и совсѣмъ не пошлый; кромѣ того онъ придаетъ рѣчи опредѣлительность и ясность; а потому и въ переводахъ онъ долженъ имѣть полное и достодолжное употребленіе.

Общій законъ словорасположенія—всякое зависящее или дополнительное слово ставится предъ управляющимъ, а не послѣ его, какъ въ русскомъ; поэтому глаголъ стоитъ въ концѣ предложенія. Если противъ этого бываютъ изъятія въ разговорѣ, то въ обдуманномъ изложеніи о серьезныхъ предметахъ лучше держаться общаго правила.

Въ этимологіи характеристичны притяжательныя окончанія, которыя въ черемисскомъ языкѣ явны, а въ чувашскомъ довольно замаскированы, но выпаруживаются въ дательномъ и винительномъ падежѣ. Въ чувашской грамматикѣ безразлично поставлены, въ склоненіи именъ: *халыпа* и *халыпне*, *козя* и *козне*. Въ этихъ формахъ разница такая: *халыпа*, *козя* просто дательный и винительный падежъ, въ *халыпне*, *козне* заключается притяжаніе, и именно 3-го лица.— Вообще, не овладѣвши сущностью притяжательныхъ окончаній, можно спутывать лица, и вводить, посредствомъ фальшиваго ихъ употребленія, инородческихъ слушателей въ ошибочное пониманіе.

Кстати упомянуть, что въ черемисской грамматикѣ во всѣхъ примѣрахъ склоненія именъ, для обоихъ чиселъ, приводится форма звательнаго падежа на *емъ*: *килемъ*—о струна, *юкемъ*—гласе, *вуемъ*—о голова и т. д. Это неправильно. Звательный падежъ особаго окончанія не имѣетъ: здѣсь это *емъ* есть не что иное, какъ притяжаніе 1-го лица: *килемъ* собственно значитъ—моя струна, *юкемъ*—мой голосъ, и т. д. Совпаденіе этого притяжанія съ звательнымъ падежемъ совершенно случайное и имѣетъ, кромѣ притяжанія, оттѣнокъ любви и ласки, и потому нужно разграничивать, а не прилагать это окончаніе во всякомъ случаѣ къ звательному падежу; напримѣръ: поди сюда, сынъ! хорошо перевести почеремисски *толъ эремъ*=поди сюда, сынъ мой (равносильно ласковому слову: *сынокъ*), а если бы звательный *Сыне Божій* перевести *юманъ эремъ*, то это была бы безсмыслица.

Въ отношеніи выбора словъ, мнѣ кажется, надобно быть осторожнымъ въ употребленіи языческихъ на-

званій въ рѣчи о предметахъ христіанскихъ. Такъ напр. черемисы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уржумскаго и царевококшайскаго уѣздовъ Божію Матерь, пресвятую Дѣву Марію называютъ *Шочмо Абя*. или *Куго шочмо Абя*; но это названіе *шочмо абя* въ ихъ языческой миѳологіи означаетъ какія-то божества женскаго пола. Поэтому, я полагалъ бы. что приписать тоже названіе Божіей Матери значило бы смѣшивать понятія и относить лице пресвятой Дѣвы къ разряду какихъ-то воображаемыхъ богинь черемисскихъ. По моему мнѣнію, лучше передать такъ: *Юманъ äбяже*.

Такъ какъ я не грамматику пишу, то и ограничиваюсь этими немногими и краткими замѣчаніями, посредствомъ которыхъ я желалъ бы только содѣйствовать установленію правильной точки зрѣнія, существенному пониманію инородческихъ языковъ лицами, для которыхъ это нужно по обязанности службы. или интересно и желательно по любознательности.

Возвращаясь къ главной цѣли настоящей своей замѣтки,—къ инородческимъ переводамъ или сочиненіямъ, какъ дѣйствительному и необходимому орудію христіанскаго просвѣщенія инородцевъ въ связи съ обученіемъ въ школахъ, позволю себѣ повторить слѣдующія соображенія. Въ случаѣ крайней необходимости и незнающій инородческаго языка можетъ приступить къ переводамъ при помощи инородца знающаго порусски. Этотъ переводъ, конечно, будетъ неудовлетворителенъ, какъ черновая, первоначальная работа, но онъ дастъ поводъ и случай постепенно ознакомиться съ инородческимъ языкомъ, выработаетъ переводческую опытность и умѣнье, знаніе дѣла, воспитаетъ и инородца—сотрудника, доведя его до отчетливаго знанія христіанскихъ предметовъ. Переводъ, сдѣланный въ состояніи неопытности, впослѣдствіи можетъ быть исправленъ и доведенъ до достаточнаго совершенства тѣмиже лицами. Лицамъ же, уже знающимъ практически инородческіе языки и умѣющимъ бойко объясняться на нихъ. но не имѣющимъ правильнаго

теоретическаго понятія о законахъ этихъ языковъ, да даже и знающимъ ихъ теорію, я бы посовѣтовалъ не слишкомъ полагаться на свое знаніе и постоянно провѣрять свои переводы чрезъ самихъ инородцевъ, для которыхъ они трудятся. Русскій переводчикъ всегда будетъ подлежать вліянію своей русской мысли, своего русскаго языка, и никогда не войдетъ въ духъ и складъ инородческихъ языковъ, слишкомъ своеобразныхъ, настолько, сколько это нужно для полнаго успѣха въ переводномъ дѣлѣ. Инородцы въ своемъ родномъ языкѣ, конечно, не имѣютъ научнаго, теоретическаго знанія, но они натуральнымъ чутьемъ поймутъ и опредѣлятъ, что̀ нужно. Инстинктивное пониманіе или ощущеніе силы и тонкостей роднаго языка тѣмъ цѣльнѣе, вѣрнѣе и чище, и слѣдов. тѣмъ авторитетнѣе, чѣмъ менѣе инородецъ знакомъ съ русскимъ языкомъ.

Я впрочемъ долженъ сказать, что абсолютное совершенство недостижимо, да и относительнаго-то совершенства не сразу, не скоро можно достигнуть. На первый разъ достаточно, если переводы будутъ по своему складу и составу общепонятны и просты, хотя бы и не чужды частныхъ недостатковъ. Они и въ этомъ несовершенномъ видѣ возбудятъ умственную дѣятельность инородческаго населенія, впослѣдствіи могутъ улучшаться и исправляться въ слѣдующихъ изданіяхъ, а наконецъ, когда чрезъ эти переводы и образованіе инородцы разовьются и сознательно утвердятся въ христіанскомъ ученіи, они сами могутъ продолжить и усовершить способы своего образованія, такъ какъ это дѣло всего ближе касается ихъ, и притомъ съ самой существенной стороны—духовной.

II.

О ПЕРЕВОДѢ

ПРАВОСЛАВНЫХЪ ХРИСТІАНСКИХЪ КНИГЪ НА ТАТАРСКІЙ ЯЗЫКЪ,

ПРИ ХРИСТІАНСКО-ТАТАРСКОЙ ШКОЛѢ ВЪ КАЗАНИ (1).

Подобно тому какъ школа казанская для крещеныхъ татаръ возникла по стеченію случайныхъ обстоятельствъ, началась съ одного мальчика и постепенно развивалась и развивается по числу своихъ учениковъ и возникшихъ изъ нея другихъ школъ; такъ и наши татарскіе переводы православныхъ христіанскихъ книгъ начались, можно сказать, случайно, хотя и не безъ ясно сознанной опредѣленной цѣли, но безъ того твердаго убѣжденія, которое дается только опытомъ. Теперь уже на опытѣ наша переводная система окончательно установилась, переводы вошли въ употребленіе школьное, церковное и даже отчасти народное, установился письменный слогъ христіанско-татарскій. Это, можно сказать, совершившійся фактъ. Успѣхъ нашихъ переводовъ самъ по себѣ уже оправдываетъ наше дѣло. Наши школы и переводы шли естественнымъ путемъ: не было искусственнаго или насильственнаго привлеченія учащихся въ наши школы, ни такого же распространенія нашихъ переводовъ въ средѣ народа. Значитъ, мы попали на настоящую дорогу.

---

(1) Перепечатано изъ Ж. М. Н. Пр. 1870 г. ч. CLII.

Наша переводная система состоитъ въ слѣдующемъ: мы переводимъ христіанскія книги на татарскій языкъ народный, то есть, употребляемъ только тѣ слова, которыя въ ходу у татарскаго народа; въ этимологическомъ и синтаксическомъ отношеніи слѣдуемъ законамъ народной рѣчи; собственныя имена пишемъ по произношенію русскому, православному; буквы употребляемъ русскія, а не арабскія.

Народный татарскій, а точнѣе говоря, крещено-татарскій языкъ мы приняли потому, что назначали свои переводы для крещеныхъ татаръ.

Крещеныхъ татаръ въ казанской губерніи свыше 40 тысячъ душъ обоего пола, не меньше должно быть въ уфимской губерніи, есть нѣсколько въ губерніяхъ вятской, симбирской, самарской и другихъ. Всего крещеныхъ татаръ въ казанской и смежныхъ съ нею губерніяхъ можно полагать около 100 тысячъ душъ обоего пола.

Изъ крещеныхъ татаръ рѣзко выдѣляются такъ-называемые „старокрещеные“, которые большею частію живутъ особыми селеніями въ мензелинскомъ уѣздѣ уфимской губерніи, въ мамадышскомъ, лаишевскомъ, отчасти въ чистопольскомъ и казанскомъ уѣздахъ казанской губерніи, въ малмыжскомъ уѣздѣ вятской губерніи,—словомъ, ихъ селенія расходятся отъ Елабуги во всѣ стороны, какъ по радіусамъ.

Эти старокрещеные татары приняли крещеніе весьма давно, иные, быть можетъ, вскорѣ по завоеваніи Казани. Какъ и въ какомъ порядкѣ были они первоначально крещены, и какъ ихъ послѣ крещенія держали и руководили, не извѣстно. Но вотъ въ какомъ состояніи были они въ недавнее время. Христіанства они почти вовсе не знали, ограничиваясь поверхностнымъ и пассивнымъ исполненіемъ необходимѣйшихъ христіанскихъ обрядовъ; магометанства тоже не знали, а хранили свои старинные до-магометанскіе обряды и обычаи, чтили кереметей, приносили жертвы Богу и кереметямъ, чествовали умершихъ предковъ угощеніемъ и т. д.

Таково было, конечно, религіозное состояніе и всѣхъ татаръ въ эпоху казанскаго царства. Видно, исламъ сознательно и исправно содержался только при дворѣ ханскомъ и у знати, а народъ хотя и считался магометанскимъ, но въ простотѣ души держалъ свою старину. И вотъ крещеніе, застигшее въ этомъ состояніи часть татаръ, принявшихъ его, отдѣлило ихъ отъ остальнаго населенія. Когда въ послѣдствіи, уже подъ русскимъ владычествомъ, магометанское образованіе стало распространяться въ казанскомъ краѣ, магометане устремились къ нему, а крещеные татары остались неподвижны въ своемъ прежнемъ положеніи.

Впрочемъ въ послѣднее время стало мѣстами проникать къ старокрещеннымъ татарамъ магометанское вліяніе, которое разрушаетъ ихъ наивное древнее міросозерцаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ смущаетъ ихъ мирное отношеніе къ христіанству. Замѣчу мимоходомъ, что чѣмъ проще и цѣльнѣе сохранилось это древнее міросозерцаніе и чѣмъ тверже держатся старые до-магометанскіе обряды, тѣмъ болѣе удобную и благодарную почву находитъ для себя христіанское образованіе.

Вмѣстѣ съ движеніемъ понятія и образованія измѣняется языкъ. Отъ международныхъ бытовыхъ и торговыхъ сношеній, особенно же съ принятіемъ чужой религіи, входятъ новыя понятія въ народъ, а въ языкъ —новыя слова, чужія. На татаръ дѣйствовали, съ одной стороны, русскіе, особенно послѣ завоеванія Казани колонизовавшіе этотъ край, съ другой — магометане. Но первые не могли успѣшно конкуррировать съ послѣдними, потому что русскіе, какъ завоеватели, были нелюбимы сосѣдями, а магометане были въ родѣ гостей. Притомъ сношенія съ послѣдними велись издавна. Это можно, между прочимъ, заключать изъ того, что даже въ чувашскій и черемисскій языки вошли слова арабскія и персидскія. Напримѣръ, въ чувашскомъ языкѣ слово *эдемъ* (человѣкъ)—арабское; *смелле*, съ которымъ чуваши принимаются за дѣло, есть арабское *бисмилля* (بسم الله); *тенѣ кирясь*—креститься, то же, что̀ пота-

тарски *денгя , кермякъ*, собственно: войдти въ вѣру, *тенъ* =араб. *динъ* (دين) и проч.

Къ этимъ инородцамъ входили магометанскія слова чрезъ татаръ; а къ татарамъ, какъ народу главному и господствующему въ казанскомъ царствѣ, они входили непосредственно. Потому въ татарскомъ языкѣ арабско-персидской примѣси должно быть больше.

Заимствованія чужихъ словъ шли двумя путями: устнымъ и книжнымъ. Первыя древнѣе и отличаются большимъ искаженіемъ чужихъ звуковъ въ направленіи къ туземной фонетикѣ. Напримѣръ, изъ арабскаго عار, стыдъ, татары сдѣлали *ăрь* въ словѣ *ăрсезъ* безстыжій, изъ فائده польза—*пайда* и т. п.

Подобныя заимствованія вполнѣ усвоились языку, извѣстны цѣлому народу и составляютъ неотъемлемое достояніе татарскаго языка. Эти и тому подобныя слова общеупотребительны и у старокрещеныхъ татаръ.

У татаръ-магометанъ, кромѣ устнаго пути, чужія слова входили еще путемъ книжнымъ. Извѣстно, что у магометанъ религіозный и научный языкъ есть арабскій, который считается даже языкомъ богосозданнымъ и высшимъ изъ всѣхъ языковъ, и потому особенно уважается всѣми магометанскими народами. Люди книжные пріучаются воспроизводить арабскую фонетику, а къ ихъ говору прислушиваются и другіе: книжное заимствованіе отличается возможнымъ сохраненіемъ чужихъ звуковъ, по разсчету буквъ. Напримѣръ, арабское عيب вина, порокъ, въ народно-татарской передѣлкѣ *айыбъ*, а въ книжномъ заимствованіи—*гайебъ*.

Въ турецкихъ книгахъ, кромѣ примѣси, иногда очень значительной, арабской и персидской, по крайней мѣрѣ свой турецкій элементъ—чистый Въ книгахъ джагатайскихъ также видна послѣдовательность орографіи и этимологическихъ формъ собственно джагатайскихъ. А казанскія татарскія книги суть или подражанія турецкимъ или джагатайскимъ, или чаще перепечатки турецкихъ и джагатайскихъ книгъ; въ томъ и другомъ

случаѣ волею-неволею проглядываетъ и свой казанскій типъ. Отъ этого такъ-называемый книжный татарскій языкъ представляетъ не установившуюся и никакими границами не опредѣленную смѣсь не только арабскихъ и персидскихъ словъ и оборотовъ, но и смѣсь туземныхъ татарскихъ словъ и грамматическихъ формъ съ турецкими и джагатайскими. Это уже вошло въ татарскій вкусъ: такою неорганизованною смѣсью пишутъ и даже нерѣдко говорятъ люди ученые, а за ними мало-мальски грамотные магометане, но все-таки большинству народа она далеко не вполнѣ понятна.

Языки крещено-татарскій, магометанско-татарскій и книжный татарскій суть только разныя степени одного и того же татарскаго языка въ его движеніи къ магометанской культурѣ. Сравнительно наиболѣе чистый и естественный есть языкъ крещено-татарскій; впрочемъ, въ немъ есть противъ тюркской нормы нѣкоторыя уклоненія, напримѣръ, посовой *н* въ концѣ родительнаго падежа обратился въ простой *н*, *л* въ окончаніи множественнаго числа обращается въ *н*, когда имя оканчивается на *н*, *м* и посовое *н* или *сагырнуҫ*, и другія; книжный языкъ есть наиболѣе искусственный и смѣшанный, а народный магометанско-татарскій языкъ гораздо ближе къ крещено-татарскому. Послѣдній мы назвали поэтому народнымъ татарскимъ языкомъ, и приняли его въ свои татарскіе переводы христіанскихъ книгъ и вообще въ орудіе христіанскаго образованія для крещеныхъ татаръ. И дѣйствительно, нѣсколько опытовъ чтенія нашихъ переводовъ татарамъ-магометанамъ доказали, что они для нихъ совершенно понятны.

Чтобы христіанскія понятія передать доступнѣе и удобнѣе для всей массы крещено-татарскаго населенія, мы беремъ татарскій языкъ въ его настоящемъ, теперешнемъ народномъ употребленіи и видѣ. Намъ нѣтъ надобности до археологической чистоты языка. Напримѣръ, татары сохранили свое старинное слово *тянгре*, которое въ старину означало *небо*, у алтайцевъ и теперь *небо—теңгере*; но такъ какъ въ древно-

сти небу приписывалась божественная сила, небо замѣняло, такъ сказать, божество, то въ послѣдствіи, при перемѣнѣ религіозныхъ понятій, слову *тянгре* придали личное значеніе, именно: у монголовъ-буддистовъ оно стало означать *небожителя*, а у татаръ *Бога*. Но чаще и притомъ выразительнѣе употребляютъ татары, даже крещеные, арабское слово *Алла:* это послѣднее мы и употребляемъ въ своихъ переводахъ. И еще, если данное слово арабское (или персидское), то мы беремъ его въ томъ значеніи, какое съ нимъ соединяетъ народъ, хотя бы у арабовъ оно имѣло другое значеніе. Напримѣръ, слово *иман* (ايمان) по арабски значитъ *вѣра*, а у крещеныхъ татаръ оно употребляется въ значеніи *молитвы*, какъ молитвеннаго текста; или *кодрять* (قدرت) по арабски *сила, могущество*, у крещеныхъ татаръ означаетъ *чудо*, какъ дѣйствіе Божіей силы. Мы такъ и употребляемъ подобныя слова, въ народномъ значеніи, не справляясь съ арабскимъ лексикономъ.

Мы беремъ слова, какъ привычные и общеупотребительные представители понятій, такъ чтобы съ прикосновеніемъ къ слуху крещенаго татарина они сейчасъ же возбуждали въ его мысли опредѣленное представленіе и въ сердцѣ—опредѣленное движеніе. Такую совершенно непосредственную близость къ мысли и чувству имѣютъ только общеупотребительныя въ народѣ слова.

Въ переводахъ дѣло не ограничивается одними только словами, но столько же, и даже болѣе, касается логическаго и синтаксическаго построенія рѣчи въ духѣ татарскаго языка, который при своемъ своеобразномъ строѣ, отличается естественностію, простотою и конкретностію. Христіанскіе священные и церковные тексты наши переведены буквально съ греческаго, а на греческій многіе изъ нихъ пересажены съ еврейской почвы; поэтому они носятъ характеръ еврейскаго и греческаго языка. Татарскій языкъ относится къ группѣ урало-алтайской, тогда какъ тѣ языки относятся

къ группамъ: одинъ—семитической, другой—арійской. Особенно мало подходятъ къ татарскому типу поэтически изложенныя еврейскія и греческія пѣснопѣнія. Въ этомъ случаѣ мы употребляемъ перифразъ, который вообще въ нашихъ переводахъ имѣетъ большое примѣненіе. Иныя церковныя стихиры и пѣсни заключаютъ только намекъ на библейскіе факты, такъ что безъ знанія Библіи они и непонятны: тутъ приходится по татарски формулировать переводимое нѣсколько подробнѣе и яснѣе. Кромѣ общедоступности и ясности, мы заботимся о впечатлѣніи. Тогда какъ языкъ чужой и мертвый, какъ у католиковъ латинскій, или даже обветшалый въ родѣ нашего церковно-славянскаго, даже на человѣка хорошо изучившаго его и понимающаго, не можетъ произвести непосредственнаго впечатлѣнія; народный живой языкъ, по своей непосредственной близости къ сознанію и мысли, долженъ сразу производить впечатлѣніе рѣшительное и сильное. Поэтому все, что могло бы производить на татаръ впечатлѣніе неблаговѣйное и даже странное, не должно быть терпимо въ переводахъ особенно священныхъ книгъ на народный татарскій языкъ. Наконецъ, мы не можемъ упустить изъ виду и магометанскихъ возраженій, которыя смущаютъ многихъ крещеныхъ татаръ; поэтому иногда приходится дать переводу такое направленіе, которое бы противопоставлялось магометанскому взгляду или возраженію. Вотъ сколько сторонъ, которыя насъ вынуждаютъ къ перифразамъ, при чемъ мы обращаемъ вниманіе преимущественно на существенныя мысли въ переводимыхъ текстахъ и въ случаѣ крайности жертвуемъ поэтическими красками и подробностями.

Словомъ, татарскій языкъ въ отношеніи лексическомъ, грамматическомъ, стилистическомъ, логическомъ и т. д. представляетъ такъ много своеобразнаго, не подходящаго къ нашимъ церковнымъ текстамъ, что буквальный переводъ ихъ иногда положительно невозможенъ. Вообще мы держимся принципа не механическаго, а такъ сказать—психологическаго или субъектив-

наго: должно изъ татарскаго языка брать такіе матеріалы и такъ группировать ихъ, чтобы переводъ производилъ на мысль и чувство татарина, при его малоопытности въ христіанствѣ и при нападеніяхъ со стороны магометанства, такое же по возможности впечатлѣніе, какое переводимый церковно-славянскій текстъ производитъ на мысль и чувство русскаго человѣка, возросшаго и окрѣпшаго въ православіи.

Такое пониманіе переводнаго дѣла ставитъ переводчиковъ между двумя равно законными и основательными, но столь рѣзко противоположными требованіями, что имъ иногда бываетъ трудно удовлетворить: съ одной стороны, требуется точное воспроизведеніе переводимаго текста, а съ другой — необходимо имѣть въ виду умственное и нравственно-религіозное состояніе народа, для котораго переводъ назначается. Чтобы взять точную и вѣрную средину, для этого недостаточно знаніе языка, какое только доступно для постороннаго человѣка, а необходима постоянная провѣрка переводовъ при посредствѣ природныхъ и типичныхъ представителей этого народа, которыхъ чутье совпадало бы съ чутьемъ всего народа. Казанская школа, въ лицѣ ея почтеннаго учителя и усердныхъ учениковъ, даетъ для такой провѣрки полныя средства. Но въ тоже время, къ величайшему счастію, мы имѣемъ человѣка, который, глубоко зная православно-богословскую науку и языки еврейскій съ греческимъ, и основательно — татарскій языкъ и магометанство, и соединяя религіозное чувство съ симпатичнымъ сердцемъ, постоянно помогаетъ намъ неуклонно сохранять христіанскую истину въ татарской формѣ. Это бывшій профессоръ казанской духовной академіи, Гордій Семеновичъ Саблуковъ—да сохранитъ Богъ его преклонные дни.

Слѣдующіе примѣры поясняютъ нашу мысль и наши пріемы при переводахъ.

Въ Евангеліи отъ Луки, глава 1, ст. 69: „И воздвиже рогъ спасенія намъ“. Слова все простыя, но если *„рогъ спасенія“* перевести буквально, для татаръ это будетъ странно и даже непонятно.

Въ той же главѣ стихъ 42, и въ извѣстной молитвѣ: „благословенъ плодъ чрева Твоего". *Плодъ* по татарски *жимешъ* (يمش) отъ глагола *йимяк* (يمك) *ѣсть*, означаетъ нѣчто съѣдобное. Мы перевели: благословенъ Родившійся отъ Тебя.

Въ антифонѣ 4-го гласа: „ненавидящіи Сіона посрамитеся отъ Господа". Такъ какъ большинство крещеныхъ татаръ не знаютъ еще, что̀ такое *Сіонъ* и какое онъ имѣетъ значеніе въ религіи, то мы для непосредственнаго и сильнѣйшаго впечатлѣнія татаръ, изъ которыхъ иные враждуютъ противъ христіанства, перевели такъ: ненавидящіе *Христову вѣру* и проч.

Въ Символѣ Вѣры: „Свѣта отъ свѣта, Бога истинна отъ Бога истинна". Если перевести буквально: *жактыдан жакты, чын Алладан чын Алла*, то, по татарскому словосочиненію, выйдетъ: свѣтлѣйшій свѣтлаго, Богъ истиннѣйшій истиннаго Бога. Поэтому, и чтобы вѣрнѣе устранить обычное магометанское возраженіе: какъ-де у Бога можетъ быть сынъ, когда у него нѣтъ жены?—мы, руководясь катихизисомъ Филарета, перевели такъ: „истинный Богъ, родившійся отъ истиннаго Бога, какъ свѣтъ, исшедшій изъ свѣта.

Церковное выраженіе: „Богоотцы Іоакимъ и Анна" мы переводимъ: родители Пресвятыя Дѣвы—Іоакимъ и Анна.

Въ церковныхъ и вѣроучительныхъ текстахъ встрѣчаются слова техническія, богословскія и церковныя. У крещеныхъ татаръ христіанская терминологія крайне скудна, она ограничивается только нѣкоторыми, немногими предметами и притомъ съ внѣшней, наглядной стороны. Въ этомъ отношеніи особенно характеристично названіе, какое они даютъ запрестольной иконѣ Божіей Матери, которую носятъ по домамъ на Пасху: *кюрякъ тяре—лопата-образъ*, или *лопатообразная икона*, изъ словъ *кюракъ*—лопата, *тяре*—икона. Изъ подобной терминологіи нашлось немногое, что̀ бы подходило къ смыслу христіанскаго ученія. Что̀ касается до словъ и терминовъ арабскихъ, неупотреби-

тельныхъ въ разговорномъ, народномъ языкѣ, которые встрѣчаются въ иныхъ переводахъ, мы не приняли ихъ въ свои переводы. Поэтому мы называемъ Святаго Духа не *рухуль кудусъ* (روح القدس), а *Святый Тинъ* или *Арыу Тинъ*. Слово *тинъ* означаетъ *дыханіе, дуновеніе, духъ*, и соотвѣтствуетъ русскому *духъ*, еврейско-арабскому *рух* (روح), греческому πνεῦμα, латинскому *spiritus*. Слово *куддус* (قدوس)—*святый* также неизвѣстно татарамъ, они употребляютъ въ значеніи *святый* слово *аулея*, множественное число отъ арабскаго *вели*, но только по отношенію къ людямъ, а не къ Богу и не къ вещамъ священнымъ. Въ случаѣ необходимости мы ставимъ прямо русское слово, когда другіе (напримѣръ, англійскіе миссіонеры) ставятъ арабское, или персидское слово. Такъ какъ въ этомъ случаѣ арабское слово въ такой же степени неизвѣстно татарамъ, какъ и русское, то послѣднее предпочтительнѣе, такъ какъ обращаетъ ихъ болѣе въ нашу сторону.

Собственныя имена мы пишемъ такъ, какъ ихъ произносятъ не магометане, а русскіе, православные. Мы пишемъ: *Іисусъ Христосъ, Евангеліе, Ной, Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, Іоаннъ* и т. д., а не *Гайся-Месихъ, Инджиль, Нухъ, Ибрагимъ, Исхакъ, Якубъ, Яхъя*,—какъ въ Алкоранѣ. Въ арабскомъ переводѣ христіанскихъ книгъ для сирійскихъ христіанъ имя *Іисусъ* пишется не *гайся* (عيسى), а *ясуг* (يسوع), то-есть, сирійцы удержали свое сирійское начертаніе и произношеніе. Вообще мы видимъ, что въ собственныхъ именахъ народы держались произношенія той церкви, отъ которой они приняли христіанство, иногда впрочемъ наклоняя слова къ своей фонетикѣ. Этимъ естественно знаменуется сыновнее отношеніе обращеннаго племени къ церкви-матери.

Такое же религіозно-генетическое значеніе, какъ языкъ, имѣетъ и алфавитъ. Католическіе и выродившіеся изъ католическихъ протестантскіе народы запад-

ной Европы имѣютъ цѣликомъ алфавитъ латинскій; мы, русскіе, вмѣстѣ съ православными славянами, употребляемъ алфавитъ греческій, только съ надлежащими прибавленіями. Положимъ, Славяне и другіе европейцы въ эпоху начала ихъ алфавитовъ стояли на низшей степени образованія, и поневолѣ должны были принять алфавитъ просвѣщенныхъ сосѣдей, озаботившихся ихъ духовною судьбой. Но зачѣмъ копты, наслѣдовавшіе египетскіе знаки, приняли греческій алфавитъ, съ прибавкою, подобно Славянамъ, нѣкоторыхъ буквъ, по требованію своей фонетики? Персіяне, у которыхъ была своя письменность и литература, по принятіи ислама, усвоили алфавитъ арабскій. Съ другой стороны мы видимъ, что народы утратившіе свой языкъ, но не утратившіе вѣру отцевъ, удерживаютъ вмѣстѣ съ вѣрою и свой алфавитъ. Такъ, малоазійскіе греки говорятъ уже потурецки, но ихъ Библія, на турецкомъ языкѣ, напечатана греческими буквами. Евреи, на какомъ бы языкѣ ни говорили и ни писали по мѣсту ихъ жительства, пишутъ еврейскими буквами. Позднѣйшія книги у Маронитовъ, на арабскомъ языкѣ, написаны сирійскими буквами. Профессоръ Петровъ утверждаетъ, что одинъ и тотъ же языкъ Индустани пишется различно: у мусульманъ арабскими буквами, у индусовъ—деванагарскими, у христіанъ—латинскими. Если противъ этого укажутъ на коптовъ, которые утративъ свой языкъ, говорятъ и пишутъ уже поарабски арабскими буквами, то они пишутъ не для себя, а для своихъ владыкъ—мусульманъ арабовъ. Могутъ указать еще на монголовъ, которые пишутъ свои буддійскія книги монгольскими буквами, а не тибетскими, какъ бы, повидимому, слѣдовало по заимствованію ими буддизма изъ Тибета. Впрочемъ, у нихъ была попытка ввести квадратное письмо, передѣлку съ тибетскаго, и доселѣ существуютъ какіе-то особые знаки для тибетскихъ и и санскритскихъ словъ.

Большая часть, по крайней мѣрѣ, фактовъ даетъ основаніе заключить, что алфавитъ знаменуетъ преиму-

щественно религіозную связь народовъ. И мы поступаемъ согласно этому историческому закону, когда стараемся татарамъ христіанамъ усвоить русскую азбуку, чтобъ этимъ соединить ихъ не съ родиной Магомета, а съ церковью-матерью, которая для нихъ есть церковь русская.

Арабскій алфавитъ не есть единственный, который когда-либо былъ у татаръ. Хотя татарское племя въ старину не отличалось грамотностью, но по крайней мѣрѣ въ ханской канцеляріи долго господствовало уйгурское письмо, то же самое, какое и теперь въ употребленіи у монголовъ. Хотя уйгурскій алфавитъ не богатъ знаками, и однимъ знакомъ изображаетъ нѣсколько звуковъ, теряя отъ этого опредѣлительность, все же онъ почти родной для татаръ. Арабскій же алфавитъ вовсе нейдетъ къ татарской фонетикѣ. Несоотвѣтствіе арабскаго алфавита татарскому языку состоитъ, съ одной стороны, въ излишнемъ для татаръ обиліи согласныхъ буквъ, а съ другой — въ крайней скудости буквенныхъ знаковъ для гласныхъ звуковъ. Между тѣмъ въ татарскомъ языкѣ гласныхъ довольно много, и онѣ существенны и характеристичны. Если въ арабскомъ языкѣ гласные звуки большею частію не пишутся буквами, то грамматика почти всегда опредѣляетъ гласные звуки въ словѣ; а въ татарскомъ языкѣ нужно отдѣльно знать почти всѣ слова, чтобы правильно произнести ихъ, когда они написаны арабскими буквами. Поэтому въ лексиконахъ турецко-европейскихъ обыкновенно вмѣстѣ съ арабскимъ видомъ слова даютъ и транскрипцію европейскими буквами; иначе и нельзя. Тюркскіе языки отличаются сингармонизмомъ, по которому слово должно заключать или все грубые, или же все тонкіе звуки: этимъ опредѣляются и грамматическія формы. При недостаткѣ въ арабскомъ алфавитѣ знаковъ для гласныхъ звуковъ и при обиліи для согласныхъ, татары обыкновенно стараются выражать грубость или тонкость звуковъ даннаго слова посредствомъ согласныхъ буквъ: у нихъ س и ص, ز и ض,

ت и ط относятся между собою, какъ грубое или тонкое измѣненіе однихъ и тѣхъ же согласныхъ; но ко многимъ буквамъ нельзя подобрать парныхъ въ этомъ родѣ знаковъ, напримѣръ, ب ل م ن и другія. Въ русскомъ алфавитѣ это несравненно удобнѣе сдѣлать посредствомъ гласныхъ буквъ, что будетъ и основательнѣе, раціональнѣе въ фонетическомъ отношеніи. Гласнымъ *а*, *у*, *о* какъ толстымъ, можно противопоставить ихъ тонкіе двойники: *ӓ*, *ӱ*, *ӧ*.

Для четырехъ гласныхъ *у*, *ӱ*, *о*, *ӧ* арабскій алфавитъ представляетъ одинъ буквенный знакъ ﻭ. Начертаніе اوچ можно прочитать четырьмя разными способами: *уч*, *ӱч*, *оч*, *өч*—и все это будутъ разныя слова. У татаръ существуетъ ясный, опредѣленный и довольно протяжный звукъ *у* и его двойникъ *ӱ*, и есть другой, краткій звукъ, нѣсколько похожій на русское *о* и *ӧ*; мы приняли *у* и *ӱ* для протяжнаго, опредѣленнаго звука, а *о* и *ӧ* для краткаго звука. Въ киргизскомъ, алтайскомъ и турецкомъ языкѣ совсѣмъ наоборотъ: въ казанскомъ татарскомъ—*кул*, рука, покиргизски и поалтайски *кол;* въ казанскомъ татарскомъ *кол*, рабъ, а покиргизски и поалтайски *кул*. Точно такое же отношеніе имѣютъ звуки *и* и *е;* въ татарскомъ языкѣ звукъ *и*—протяжный и опредѣлительный, а *е*—бѣглый, въ киргизскомъ же и алтайскомъ наоборотъ, въ турецкомъ то же: потатарски *кил*, приди сюда, поалтайски и покиргизски *кел*, потурецки *гел*. Поэтому звукъ *и*, всегда бѣглый, противопоставляется въ татарскомъ бѣглому же *е*, а въ другихъ нарѣчіяхъ —бѣглому *и;* а протяжное татарское *и* и отвѣчающее ему киргизское и т. п. *е* стоятъ особнякомъ, не имѣя себѣ двойника.

Толстому *а* отвѣчаетъ какъ двойникъ: въ татарскомъ языкѣ *ӓ* (=*я* послѣ согласной), а въ другихъ нарѣчіяхъ, напримѣръ, киргизскомъ, алтайскомъ, турецкомъ=*е*: татарское *килгӓн*=киргизскому и алтайскому *келген*.

Отсюда видно, какъ гласные звуки въ тюркскихъ нарѣчіяхъ характеристичны, а ихъ-то именно и нельзя выразить арабскими буквами. Въ этомъ отношеніи татарскій языкъ еще счастливѣе киргизскаго, потому что гласныя, напримѣръ, для *и* и для *а* и *ä* могутъ изображаться арабскими буквами ى и ا, напримѣръ—كيلكان =*килгäн*. Для киргизскаго же языка это окончательно неудобно и даже въ нѣкоторомъ отношеніи опасно. Если, напримѣръ, *келген* написать, для огражденія отъ татаризаціи, كيلگين, то это будетъ невѣрно по отношенію къ буквеннымъ знакамъ и противно этимологической аналогіи; а если написать كيلكان, нарушится киргизская особность. Вообще я замѣтилъ, что татарская грамотность, все болѣе и болѣе распространяющаяся къ киргизской степи, грозитъ уничтоженіемъ киргизскаго языка; спасти его отъ окончательнаго поглощенія татарствомъ можетъ только русскій алфавитъ.

Конечно, русское значеніе буквъ иногда не вполнѣ подходитъ къ татарскимъ звукамъ. Въ этомъ случаѣ достаточно приблизительнаго по крайней мѣрѣ сходства. Подобное встрѣчается и въ европейскихъ алфавитахъ: наше русское *е* тожественно съ латинскимъ *e*, а, напримѣръ, русское *те* отлично отъ латинскаго *te*, послѣднее=русск. *тэ*. Такъ и въ татарскомъ языкѣ толстыя гласныя: *а*, *у*, *о*, *и*, въ отношеніи толстоты, равномѣрны русскимъ; а тонкія: *ä*, *ӱ*, *ö*, *и*, *е* грубѣе русскихъ гласныхъ: *я*, *ю*, и т. д. Потомъ *о*, *ö*, *е*, у насъ приняты для выраженія краткихъ звуковъ, приблизительно. Въ алфавитѣ нельзя обойтись безъ условности; нужно только, чтобъ извѣстный знакъ, при нѣкоторой приблизительности къ русскому своему значенію, былъ опредѣленно назначенъ для извѣстнаго звука и послѣдовательно обозначалъ его. Въ подобныхъ соображеніяхъ и чтобы не усложнять алфавита, мы условно приняли *ж* для выраженія татарскаго ج=*дж*, которое часто является у татаръ на мѣсто *йодъ* въ началѣ словъ. Сдѣлали мы это потому, что татары не имѣютъ чисто-рус-

скаго звука *ж*. Для носоваго *н=сагыртыгъ* мы, въ подражаніе ученымъ петербургскимъ академикамъ, употребляемъ *нг*, составленное изъ *н* и *г*, такъ какъ и татары пишутъ его двумя буквами ڭ.

Въ татарскомъ языкѣ есть согласный звукъ, похожій на англійскій *w*, мы пишемъ его *у*, такъ что *у* послѣ согласной буквы есть гласная, а послѣ гласной или передъ гласной есть согласная, напримѣръ, *тау* гора. Кажется, лучше бы писать ее въ такомъ случаѣ съ краткой, подобно тому, какъ краткая даетъ буквѣ *и* значеніе согласной *й=j*. У насъ нерѣдко встрѣчается сочетаніе *у* согласнаго съ предшествующею или послѣдующею ему буквою *ы* или *е*. Это сочетаніе произносится такъ, что слышится какъ будто долгое *у*. Напримѣръ, мы пишемъ *айыу*, медвѣдь, которое произносится какъ будто *аю*. Но въ дѣйствительности это слово оканчивается не гласнымъ, а согласнымъ звукомъ, который обнаруживается при суффиксѣ притяжательномъ 3-го лица: его медвѣдь—*айыуы*, а не *аюсы*. Въ древнихъ джагатайскихъ рукописяхъ это слово пишется اَيغُو; буква غ въ татарскомъ иногда измѣняется въ *у* согласное, точно такъ какъ въ словѣ *тау* (تاغ—تاو), гора. Слѣдовательно, мы воспроизводимъ подробное джагатайское начертаніе, состоящее изъ четырехъ буквъ. Точно также слово اَغير, тяжелый, мы пишемъ *ауыръ*, а произносится оно какъ будто *ауръ*. Или еще, глаголы, оканчивающіеся на *б*, напримѣръ, *таб*, найди, имѣютъ нѣсколько измѣненное дѣепричастіе: по аналогіи надо бы сказать *табыб*, но звукъ *б* при несжатыхъ губахъ ослабляется и переходитъ въ согласное *у*; такимъ образомъ стало *тауыб*, а произносится какъ будто *таубъ*. Но природный слухъ различаетъ сложный звукъ, и наши татарчата, руководясь только своимъ чутьемъ, пишутъ подобныя слова согласно съ выводами науки. Вообще крещено-татарскіе воспитанники весьма легко усвоиваютъ нашъ алфавитъ и пишутъ имъ безъ всякаго затрудненія.

Должно однако же сознаться, что мы въ своихъ переводахъ не всегда послѣдовательно употребляемъ *ä*, *ӱ*, *ѳ*. Именно, въ началѣ словъ вмѣсто *е* мы пишемъ *э*, въ предупрежденіе йотированнаго произношенія; *ä* и *ӱ* пишемъ почти только въ началѣ словъ, а въ серединѣ, и вообще послѣ согласной пишемъ вмѣсто нихъ *я* и *ю*; также пишемъ *я*, *ю* иногда вмѣсто *йа*, *йу*. Это нами допущено съ цѣлію непосредственнаго усвоенія татарскимъ воспитанникамъ русской алфавитной системы. Въ тѣхъ же видахъ мы пишемъ *ъ* и *ь*, хотя для татарскаго языка эти знаки совершенно ненужны. Мы пишемъ, напримѣръ, *кюргянь*, а надо бы писать *кӱрган*.

Вотъ и весь немногосложный секретъ нашего русско-татарскаго алфавита. Немного нужно запомнить, чтобъ и русскій человѣкъ удовлетворительно могъ читать наши татарскіе переводы, не зная даже ни слова потатарски. Кстати скажу о своемъ личномъ опытѣ. Послѣ привычки къ арабско-татарскому письму въ продолженіе лѣтъ пятнадцати, мнѣ было на первый разъ странно писать потатарски русскими буквами, но я скоро привыкъ къ этому и теперь пишу татарскіе переводы русскими буквами совершенно свободно. А крещено-татарскіе мальчики, не знавшіе прежде никакого письма, весьма легко пріучаются къ русскому письму. Русскій алфавитъ несравненно удобнѣе и проще арабскаго для первоначальнаго обученія грамотѣ: это также важное преимущество.

Могутъ сказать, что русскій алфавитъ сокращаетъ районъ распространенія христіанскихъ книгъ, ограничивая таковой одними только крещеными татарами; что если бы христіанскія книги писались арабскими буквами, тогда христіанское ученіе получило бы прямой и широкій доступъ во все очень многочисленное магометанское населеніе. Едва-ли. Англійскіе миссіонеры стараются безплатно раздавать массы христіанскихъ книгъ иновѣрцамъ разныхъ странъ,—и что же вышло? Индусы въ миссіонерскіе листы завертываютъ пирожки; китайцы Библію вшиваютъ въ подошвы своихъ

сапоговъ; за Байкаломъ англійскіе же миссіонеры нѣкогда печатали монгольскій переводъ Евангелія и раздавали бурятамъ тысячи его экземпляровъ; но ламы всѣ эти книги отобрали и сожгли, такъ что при всѣхъ усиліяхъ нынѣшней миссіи, едва нашелся за Байкаломъ одинъ экземпляръ монгольскаго, упомянутаго изданія, Евангелія. И татарамъ библейское общество нѣкогда раздавало Евангеліе на татарскомъ языкѣ; но ни изъ чего не видно, чтобы татары читали ихъ. Сколько я знаю казанскихъ татаръ, въ нихъ не найдется ни любознательности, ни безпристрастія, чтобы внимательно прочитать христіанскую книгу. Самое вѣрное средство уронить и даже опошлить что-нибудь—навязывать его. Печатая книги христіанскія арабскими буквами, мы тѣмъ самымъ дѣлали бы вызовъ имъ, заявляли бы свое посягательство на ихъ религію, къ которой они очень усердны, и возбудили бы съ ихъ стороны оппозицію.

Но и помимо всего сейчасъ сказаннаго, я держусь убѣжденія, что христіанство не совмѣстимо ни съ какою иною культурой, въ томъ числѣ и съ магометанскою. Это значило бы вливать вино новое въ мѣхи ветхіе. И вотъ почему простой, непосредственно-натуральный народъ искренно и усердно принимаетъ христіанство, а культурные классы не принимаютъ его или стараются приноровить къ своимъ идеямъ. И такъ какъ простой народный языкъ отображаетъ простую природу народа, то мы и приняли въ свои христіанскіе переводы народный языкъ, устранивъ арабскіе термины, какъ принадлежность магометанской культуры. А такъ какъ алфавитъ есть тоже принадлежность культуры, то по этому соображенію арабскій алфавитъ мнѣ представляется даже неумѣстнымъ въ христіанскихъ книгахъ для татаръ. Христіанство должно кореннымъ образомъ, во всѣхъ отношеніяхъ, преобразовать татаръ.

Если Провидѣніе рано или поздно приведетъ нашихъ магометанъ къ познанію и принятію христіанской истины, то въ этомъ дѣлѣ всего удобнѣе могутъ

послужить посредниками крещеные татары. Нужно стараться, чтобы крещеные-то татары вполнѣ усвоили себѣ христіанское ученіе, приняли его умомъ и сердцемъ, чтобы христіанство стало для нихъ дѣломъ жизни,— тогда уже они сами передадутъ своимъ магометанскимъ сосѣдямъ христіанство, и посредствомъ живой бесѣды, и еще болѣе примѣромъ христіанской жизни.

Но прежде всего, въ крещеныхъ татарахъ, доселѣ почти вовсе чуждыхъ христіанскаго міросозерцанія, долженъ совершиться внутренній процессъ духовнаго перерожденія, такъ чтобъ они мыслили и чувствовали похристіански. Какъ совершится этотъ процессъ? Онъ совершится сначала, посредствомъ христіанскаго воспитанія, въ нѣсколькихъ избранныхъ личностяхъ, даровитыхъ, воспріимчивыхъ, искреннихъ, религіозныхъ, энергическихъ, преданныхъ. „Царствіе Божіе подобно закваскѣ“, говоритъ Спаситель. Съ другой стороны, духовная мыслящая сила въ человѣкѣ сама по себѣ имѣетъ такую организующую, живородящую дѣятельность, что при нѣкоторомъ направленіи способна произвести рядъ новыхъ понятій и создать систему, прежде этому человѣку неизвѣстную. Поэтому, хотя, по существу татарскаго еще далеко нехристіанскаго языка, и нельзя передать на немъ вполнѣ точно христіанскіе тексты, и часто приходится вновь составлять татарскія техническія выраженія для христіанскихъ предметовъ и догматовъ, но и въ этихъ переводахъ содержаніе христіанства можетъ быть обозначено на столько опредѣленно, и можетъ заключать въ себѣ столько христіанскаго, такъ сказать, матеріала, догматическаго, нравственнаго и богослужебно-лирическаго, что передовыя личности изъ среды крещеныхъ татаръ удобно могутъ ввести въ свое сознаніе и въ свое сердце христіанство, какъ цѣльное и дѣйственное ученіе. Христіанство, какъ живое начало, какъ закваска, само воздѣйствуетъ на ихъ мысль и чувство. А организовавшись въ этихъ личностяхъ, отъ нихъ и чрезъ нихъ оно передастся и къ другимъ. Только при этомъ не

должно выпускать изъ рукъ единственно дѣйствительное орудіе—родной, татарскій языкъ. Родной языкъ составляетъ сущность духовной природы человѣка и народа, и самое сильное средство къ перевоспитанію и образованію. Только родной языкъ можетъ успѣшно и основательно, а не поверхностно, двинуть народъ, какъ массу, по христіанскому пути. Напротивъ того, чужой языкъ никогда не въ состояніи сдѣлать христіанство общенароднымъ достояніемъ цѣлаго населенія. Давно ли начались крещено-татарскія школы въ казанскомъ краѣ, но, благодаря именно родному языку, онѣ уже воспитали нѣсколькихъ юношей, мыслящихъ и чувствующихъ вполнѣ похристіански, глубоко преданныхъ дѣлу христіанства, которые усердно читаютъ христіанскія книги или устно разсказываютъ ихъ содержаніе старшимъ поколѣніямъ крещеныхъ татаръ,— а эти усердно и искренно ихъ слушаютъ. Особенно глубоко трогаетъ крещеныхъ татаръ молитва и богослуженіе на ихъ родномъ языкѣ. Положительно можно сказать, что процессъ перерожденія крещеныхъ татаръ въ настоящихъ христіанъ по мысли и чувству стоитъ на прямомъ пути. Мы вѣримъ, что евангельское слово Спасителя Іисуса Христа, воплотившись, такъ сказать, въ татарскомъ живомъ, естественномъ языкѣ и чрезъ то преискренне пріобщась самой глубины мысли и религіозной совѣсти татаръ, сотворитъ и совершитъ дѣло христіанскаго возрожденія этого племени.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Практическія замѣчанія о переводахъ и сочиненіяхъ на инородческихъ языкахъ . . . . . 1—26.

II. О переводѣ православныхъ христіанскихъ книгъ на татарскій языкъ, при христіанско-татарской школѣ въ Казани . . . . . 27—45.